

Научная статья
УДК 94(471.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-100-110
EDN: IFMURS

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В БОЛЬШЕВИСТСКИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ 1920-х годов

Наталья Хаджумаровна Дзагурова¹, Марина Сергеевна Гапеева²

¹ Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН, г. Владикавказ, Россия, dzagurova-natalia@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0006-3024-4622>

² Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, Владикавказ, Россия, gapeeva.marina.81@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9440-752X>

Аннотация. В статье рассматриваются методы и формы антирелигиозной политики советского государства по вовлечению народов Северного Кавказа в большевистские модернизации 1920-х годов. Обращение к настоящей теме продиктовано актуальностью исследования истории антирелигиозной политики государства для возможности избегания ошибок в контексте сложного периода трансформаций, который переживает современное многонациональное и поликонфессиональное российское общество. Цель исследования – рассмотреть советскую государственную политику в борьбе с религией на Северном Кавказе и проанализировать использованные методы и формы антирелигиозной пропаганды. Основу исследования составил материал, привлеченный из периодических изданий и архивов Северного Кавказа. Проанализирован комплекс мероприятий, реализуемый государством в исследуемый период для переоценки норм бытия и формирования в общественном сознании социальных представлений, основанных на ликвидации религиозного мышления. Определены трудности в процессе реализации большевистских модернизаций, связанные с разнородностью населения по национальному и религиозному составу и малочисленностью вовлеченных в общественное производство. Сделан вывод, что результаты применения ключевых маркеров антирелигиозной пропаганды привели к ускоренному развитию производительных сил и социальной сферы в национальных областях Северного Кавказа в соответствии с советской идеологией.

Ключевые слова: Северный Кавказ, религия, антирелигиозная политика, большевистские модернизации

Для цитирования: Дзагурова Н.Х., Гапеева М.С. Антирелигиозная политика советского государства в контексте вовлечения народов Северного Кавказа в большевистские модернизации 1920-х годов // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 100-110. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-100-110. EDN: IFMURS.

© Дзагурова Н.Х., Гапеева М.С., 2024

Original article

**THE ANTI-RELIGIOUS POLICY OF THE SOVIET STATE
IN THE CONTEXT OF THE INVOLVEMENT OF THE PEOPLES
OF THE NORTH CAUCASUS
IN THE BOLSHEVIK MODERNIZATION OF THE 1920s.**

Natalia Kh. Dzagurova¹, Marina S. Gapeeva²

¹ The North Ossetian Institute of humanitarian and social studies by. Abayev V. I. of the Federal state budgetary institution of science of the Federal scientific center Vladikavkaz scientific center of RAS, Vladikavkaz, Russia, dzagurova-natalia@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3024-4622>

² North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Russia, gapeeva.marina.81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9440-752X>

Abstract. The article examines the methods and forms of the anti-religious policy of the Soviet state to involve the peoples of the North Caucasus in the Bolshevik modernization of the 1920s. The relevance of studying the history of the anti-religious policy of the state in order to avoid mistakes in a difficult period of transformation that is going through modern multinational and multi-confessional Russian society dictates the appeal. The purpose of the study is to examine the Soviet state policy in the fight against religion in the North Caucasus and analyze the methods and forms of anti-religious propaganda used. The research was based on material drawn from periodicals and archives of the North Caucasus. The complex of measures implemented by the state in the period under study to re-evaluate the old norms of existence and the formation of social ideas in the public consciousness based on the elimination of religious thinking is analyzed. The study reveals difficulties in implementing Bolshevik modernizations due to the population's diverse national and religious backgrounds and the limited number of people engaged in social production. The key markers of anti-religious propaganda have been identified, the results of which led to the accelerated development of productive forces and the social sphere in the national regions of the North Caucasus according to Soviet ideology.

Keywords: The North Caucasus, religion, anti-religious politics, Bolshevik modernization.

For citation: Dzagurova N.Kh., Gapeeva M.S. The anti-religious policy of the soviet state in the context of the involvement of the peoples of the North Caucasus in the bolshevik modernization of the 1920s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 100-110. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-100-110. EDN: IFMURS.

© Dzagurova N.Kh., Gapeeva M.S., 2024

Введение

Цель данной статьи – изучить антирелигиозную советскую политику 1920-х гг., реализуемую для вовлечения народов Северного Кавказа в большевистские модернизации.

Выбор хронологических рамок исследования обусловлен необходимостью охватить период, наиболее показательный для понимания специфики государственной политики большевиков, направленной на трансформацию общественного сознания в целях восприятия новой идеологии.

Методологической основой исследования является метод системного анализа, позволивший рассмотреть антирелигиозную политику советского госу-

дарства в контексте переоценки старых норм бытия и формирования в общественном сознании горцев новых социальных представлений, основанных на ликвидации религиозного мышления.

К исследованию привлечены как деидеологизированные научные публикации авторов по вопросам религиозной политики советского государства на Северном Кавказе постсоветского периода – И.А. Гиоевой [Гиоева 2005], С.И. Сулейманова [Сулейманов 2000], так и исследования советского периода, основанные на воспоминаниях непосредственных участников событий 1920-1930-х гг. на Северном Кавказе – работы Я.Н. Раенко-Туранского [Раенко-Туранский 1927], Н.П. Эфендиева [Эфендиев 1927], П.И. Юсупова [Юсупов 1972], С.Т. Меликова [Меликов 1983], И.М. Персиц [Персиц 1958]. Основу статьи составил привлеченный из периодических изданий и архивов Северного Кавказа материал, позволивший проанализировать методы и формы антирелигиозной политики большевиков.

Результаты исследования

Революция и приход к власти партии большевиков в 1917 г. сформировали вектор модернизационных процессов, направленный на решение вопросов социалистического строительства. Деятельность власти по трансформации общественного сознания в целях восприятия новой идеологии началась с первых же дней ее существования, поскольку развернувшееся социалистическое строительство подразумевало вовлечение в общественное производство колоссального людского ресурса.

Сразу же с момента установления на Северном Кавказе советская власть предпринимала попытки заложить законодательную базу для регулирования взаимоотношений государственных советских структур и религиозных организаций. В 1920-х гг. начинается работа по формированию устойчивого антирелигиозного стереотипа, согласно которому религиозное мышление признавалось вредным и антинаучным. На каждом этапе этого процесса властью ставились новые задачи, но степень их успешной реализации, во многом зависела от законодательной основы, способной обеспечить формирование нового общественного сознания. Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» лишил религиозные организации возможность владения любой собственностью, т.е. в одночасье, они стали не собственниками, а лишь пользователями накопленного имущества [Персиц 1958: 24]. Однако процесс реализации декрета затянулся, а на Северном Кавказе часто сталкивался с ожесточенным сопротивлением и требовал дополнительных усилий.

Приказом Терского областного революционного комитета от 20 апреля 1920 г. преподавание «Закона Божьего» в школах всех ступеней было отменено, а законоучителя освобождены от занимаемых должностей. Несмотря на зафиксированные в принятой в 1918 г. Конституции РСФСР статьи о провозглашении свободы совести и недопустимости оскорблений чувств верующих, сотни священнослужителей, верующих и мирян были подвергнуты жесточайшим репрессиям [Гиоева 2005: 11].

В феврале 1921 г. по указанию ЦИК Горской республики был распущен Епархиальный Совет. Изымались церковные ценности, проходили различные антирелигиозные кампании, часто сопровождаемые неповиновением верующих. Помимо изъятия церковных ценностей, происходили другие различные антирелигиозные кампании, в частности, так называемое обновление икон. В Моздоке даже произошли стихийные уличные беспорядки во время обновления икон в Успенской церкви. Моздокчане, были наиболее привержены религии из всех горожан Кавказа, Д.Б. Сокол, член КПСС, участник гражданской войны вспоминал: «Поражало обилие в таком маленьком городке соборов, церквей и молитвенных домов. Православные обладали двумя Успенскими – старым и новым – соборами, Духошественской, Николаевской и Ильинской-кладбищенской церквами. Армяне-григориане имели два собора – Стефановский и Успенский и ещё кладбищенскую церковь. Была и католическая, да кроме них существовали молитвенные дома: баптистов, евангелистов, субботников – адвентистов седьмого дня, лютеран и других сект. Не было мечети и синагоги. Магометан было мало, а евреев всего несколько семейств, и то некоторые из них – «выкресты»» [Научный архив СОИГСИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 102. Л. 23].

Изъятие церковных ценностей проходило под лозунгом помощи голодающим беженцам. Дабы не допустить могущие возникнуть протесты прихожан против изъятия, в газету было помещено «Воззвание пастырей Владикавказских церквей к пастве», в котором говорилось, что «изъятые будут только лишние» [Научный архив СОИГСИ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 15. Л. 53]. При этом довольно успешную деятельность развели приверженцы сект самого разного толка. Во Владикавказе они имели тесные контакты с заграничными коллегами, именно поэтому в 20-е гг. руководители местных протестантских сект получали от своих «братьев во Христе» – американских миллионеров не только деньги, но и соответствующие «советы». Например, пресвитер владикавказской баптистской общины кулак Сапожников в конце 1920-х годов посетил США официально для участия во Всемирном конгрессе баптистов. Он провёл в Америке много месяцев, собирая пожертвования: крупную сумму ему выделил так называемый «фонд Рокфеллера» для «евангелизации населения на Северном Кавказе» [Власть труда. 1929. 10 апреля. № 82].

Повсеместно происходило закрытие церквей и организация в зданиях различных общественно-массовых учреждений, в том числе развлекательного характера. Несмотря на тактическое наступление на религию, позиции её были довольно сильны. Так, на заседании Агитпропколлегии райкома ВКП (б) в Моздоке в начале 1922 г. указывалось, что «вниманием и симпатией отсталых рабоче-крестьянских масс пользуются в первую очередь православная община, и затем община духовных христиан (молокане)», в качестве причины назывались «тактический подход к рабочим и крестьянам и материальная поддержка» [ЦГА РСФСР-А. Ф. 337. Оп. 1. Д. 3. Л. 50]

В отношении ислама советское руководство в первой половине 1920-х гг. проявляло подчеркнутую благожелательность и терпимость, исходя из установ-

ки привлечения «угнетенных царизмом народов Востока» на сторону мировой социалистической революции. На первых порах, власть пытаясь продемонстрировать лояльность к особенностям горского уклада жизни разрешала горцам управление на основе религиозных норм, так как «среди тёмных и религиозных горских масс влияние Корана и основанного на нём шариата было настолько сильным, что их игнорирование могло бы усилить позиции буржуазных националистов и реакционного мусульманского духовенства, которое всячески старалось внушить горцам, что советская власть не допустит каких-либо учреждений, связанных с их национально-религиозными особенностями» [Юсупов 1972: 124].

На внеочередном заседании членов областной горской секции при Кубчеревком в декабре 1922 г. звучали слова о том, что «Декрет об отделении церкви от государства» не может быть применён к горцам-мусульманам, так как, отделяя церковь от государства, таковая лишается права вмешиваться в государственное строительство, оставляя религию народов, составляющей церковь, неприкосновенной. Применяя декрет к мусульманам путём насильственного запрещения пользоваться шариатом, лишает мусульман самой религии, потому что источник шариата – сам Коран и Сунна». Далее делегаты съезда настоятельно просили «оставить горский народный суд с полным применением шариатских норм» [Раенко-Туранский 1927:112].

Однако, несмотря на проявляемую внешнюю лояльность, государство, пытаясь ослабить влияние ислама, организовало активную антирелигиозную пропаганду. В массовое сознание внедрялись идеи о том, что любая религия играла и может играть только сугубо отрицательную роль в жизни людей, что, с ликвидацией религиозных обществ и уничтожением религиозных убеждений в сознании верующих, общество освободится от суеверий и предрассудков, обретёт новую социалистическую мораль, вместо религиозной [Научный архив СОИГ-СИ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 23. Л. 2].

Атеистическая деятельность требовала определённого такта, осторожности и гибкости, так как речь шла о борьбе против идеологии ислама, пронизавшей все стороны жизни горцев, во многом служившей стержнем, на который нанизывались их общественные и семейные нормы поведения, взаимоотношения. Учитывая это, Северо-Кавказский крайком ВКП(б) до середины двадцатых годов рекомендовал партийным организациям воздерживаться от открытой критики мусульманской религии в гущу масс. Вместе с этим проводилась естественно-научная пропаганда, в ходе которой разъяснялось, отчего происходит смена дня и ночи, почему бывает дождь, град, засуха и др., от чего зависит урожайность сельскохозяйственных культур и т. п. без упоминания о религии [Меликов 1983: 62].

Важным мероприятием партии на пути ослабления влияния идеологии ислама была ликвидация шариатских судов. Учитывая, однако, специфическое положение в районах традиционного распространения ислама, в первые годы советской власти, параллельно с советскими народными судами функционировали и шариатские суды. Шариат – это не только и не столько религиозное и каноническое право, это обобщающий свод законов, включающий в себя

публичное, частное, личное и вещное право; гражданское, уголовное и семейное право и даже санитарии и гигиену. Исходя из этого, мусульманское духовенство ведало не только религиозной стороной, но и всей повседневной жизнью населения Северного Кавказа. «Школа и суд, семейные и имущественные отношения, – всё это в руках духовенства, всё им определяется и им устанавливается» [Эфендиев 1925: 127].

Идеология ислама на Северном Кавказе использовалась и для подстрекательства верующих к борьбе против советской власти. Реакционеры выступали с призывами к верующим, просили отказаться от участия в проводимых органами власти мероприятиях: в организации горкомов, кооперативов, призыва в Красную Армию, строительстве школ, обучении детей в них, а также изгонять коммунистов, навлекая божью кару на верующих, избегать участия в похоронах, когда умирал кто-либо из них. Подстрекали к физическому уничтожению всех, кто не молится [Сулейманов 2000: 38].

На Северном Кавказе (без Дагестана) к началу 1926 г. имелось 1644 мечетей, которые обслуживали 2189 мулл; 20 шейхов и 79 тыс. мюридов, из которых свыше 70 тыс. находились в Чечне и Ингушетии [УЦГА АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 11].

Мечети и другие организации ислама пользовались не только приношениями прихожан, но и обладали значительными земельными угодьями, пожертвованными им с благотворительной целью, движимым и недвижимым имуществом. В Дагестане доход от закята и вакуфов в 1926-27 гг., превысив сумму сельхозналога по республике почти в три раза. В Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии этот доход соответственно равнялся 518,3 и 400 тыс. рублей [«Революция и горец». 1929. № 7-8. С. 36.].

Важным религиозным элементом, являющимся с марксистской точки зрения атавизмом, пережитками прошлого, с которыми необходимо было покончить, являлись религиозные праздники. Празднование Пасхи, как правило, совпадало с началом весенне-полевых работ, влекло за собой прогулы, массовое пьянство верующих. Против этих явлений вели непримиримую борьбу. Было решено упорядочить религиозные праздники. Так, протоколом заседания Бюро Дагестанского обкома было установлено для православных два праздника – Рождество и Пасха, для мусульман – по одному дню Курбан байрам и Ураза-байрам, для евреев – Судный день и Пасха. Мусульманские и православные праздники считались нерабочими днями для всего населения в городах, еврейские праздники отмечали только евреи [Научный архив СОИГСИ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 5. Л. 13]. В городе Нальчик, к примеру, проводились читки, беседы на антирелигиозные темы, была организована книжная выставка, на постоянной основе проводились вечера с докладами на тему: «Религия и наука», ставились спектакли-концерты и инсценировки антирелигиозного содержания [«Карахалк». 1928. 12 апреля].

Для того, чтобы дать возможность местному населению принимать активное участие в антирелигиозных мероприятиях, они часто проводились в форме диспутов. Присутствовавшее на диспутах население задавало вопросы, вступало в споры. Иногда активное участие в таких диспутах принимали и представи-

тели духовенства. Диспуты на темы: «Религия и советская власть», «Коммунисты и религия», «Красная армия и религия» проводились во многих сёлах и аулах. В этой работе проявлялась большая осторожность, поскольку религиозное мировоззрение, складывавшееся веками, пустило глубокие корни в сознании горцев.

Секретарь комсомольской ячейки М. Алиев так вспоминал эту борьбу: «Весной 1926 года мне было поручено выявить комсомольцев тюрков и татар, собрать этих ребят и организовать ячейку. У нас собралось человек 30. Открыли клуб, стали вести антирелигиозную, культурно-массовую работу среди этих народностей. Во время празднования Шахсей-Вахсей дело доходило до самоубийств, но после нашей работы молодёжь отошла от этого» [Научный архив СОИГСИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 109. Л. 18, 19, 21]

Целенаправленной и оперативной антирелигиозной работе мешало и то, что среди членов и кандидатов в члены партии выявлялась тенденция ссылаться на специфические условия, при которых, якобы, невозможно вести антирелигиозную пропаганду.

В 1926 г. была произведена проверка степени религиозности членов партии и комсомольцев. В результате были стали известны факты прямого участия некоторых коммунистов и комсомольцев в соблюдении религиозных обрядов и праздников, факты уклонения от атеистической работы. Областным партийным организациям пришлось решительно противодействовать и вредной теории «непротивленчества», и пассивности в борьбе с религиозной идеологией. Антирелигиозную пропаганду тесно связали со всей системой политического, культурного и школьного образования и воспитания, были сформированы ячейки «безбожников» для ведения активной атеистической работы. С этой целью на заседании Бюро Чеченского обкома ВКП (б) 7 декабря 1926 г. было решено создать агитационно-пропагандистский отдел (АПО) при Чечоргбюро ВКП (б) и антирелигиозную комиссию из людей, хорошо знакомых с местными условиями [ЦГА РСО-А. Ф. 7. Оп. 1. Д. 606. Л. 62]. Комиссия должна была вести антирелигиозную пропаганду, стараясь не вызвать проявления религиозного фанатизма. Основываясь на марксистской идеологии, необходимо было раскрывать социальную сущность религиозного культа, способствовать развитию критического отношения трудящихся к религии и духовенству.

Серьёзным препятствием в антирелигиозной работе являлась нехватка подготовленных пропагандистов атеизма, хорошо знающих местные условия, а также недостаток популярной атеистической литературы об исламе. Поэтому Северо-Кавказский краевой комитет ВКП(б) в помощь национальным областям, начиная с 1925 г., систематически проводил курсы партийного актива, в программе которых были лекции о формах и методах антирелигиозной работы в национальных областях. На таких курсах в городах Ростов-на-Дону и Таганрог ежегодно обучалось около 75 слушателей из состава партийного актива национальных областей, где они получали необходимые методические указания [ЦГА РСО-А. Ф. 7. Оп. 1. Д. 840. Л. 43-44].

К антирелигиозной работе привлекалась и горская молодёжь. Так, например, студенты Ингушского педагогического техникума в 1929 г. провели анти-

религиозную работу в дни праздника «Ураза-байрам». Студенты устанавливали тесную связь с аулами, где проводили антирелигиозные беседы, разъясняли, что ураза приносит вред здоровью, нарушает работоспособность, что, в свою очередь, приносит вред народному хозяйству, указывалось о необходимости «широко развернуть антирелигиозную пропаганду, положив в основу её методы глубокой систематической научной работы, обеспечив помощь профсоюзов в работе ячеек воинствующих безбожников» [ЦГА РСФСР-АЛТАЙ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 236. Л. 13].

Административные меры борьбы с религией и репрессии по отношению к служителям культа способствовали обострению религиозных чувств, а нередко и проявлению фанатизма верующих. В Моздоке в 1925 году милиция арестовала священника, старосту и «ещё одного служителя церкви» как подстрекателей, что вызвало волну людского негодования. «После ареста попа и других народ восстал, собралась масса народа, пошли по центральной улице женщины, по другой улице – мужчины с палками и камнями, шли к тюрьме освобождать священнослужителей, против них были брошены коммунисты, комсомольцы, молодёжь, вооруженные пулемётами, винтовками, был эскадрон милиции. Было приказано стрелять вверх, народ бросился бежать, потом устроили митинг по городу, самолёт разбрасывал листовки, чтобы успокоить народ» – вспоминал участник событий комсомолец К.В. Погибенко [Научный архив СОИГСИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 102. Л. 23].

Результаты проведенной работы фиксировались в отчётах горсоветов, так в отчете Владикавказского горсовета о состоянии антирелигиозной работы за 1930 г. зафиксировано следующее: «...Антирелигиозных ячеек по городу 48 с 3000 человек. Работа ячеек безбожников выразилась в распространении журнала «Безбожник», в проведении антирелигиозной кампании во время различных религиозных празднований. По клубам и избам-читальням проведено 156 докладов. С 20 декабря 1929 по 25 марта 1930 г. проведены курсы учителей школ по антирелигиозно работе, окончили 70 человек» [ЦГА РСФСР-А. Ф. 56. Оп. 1. Д. 49. Л. 72].

Поддавшись давлению антирелигиозной аргументации и сопровождавших их репрессивных мер, служители религии отказывались от духовного сана. В октябре 1928 года, например, мулла Измаил Након в присутствии многих граждан заявил, что «он отказывается от звания муллы», и дал слово никогда больше не заниматься «одурманиванием людей» [«Карахалк». 1928. 12 апреля]. В 1928 году в Кабардино-Балкарии 72 духовных лица отказались от своего сана [«Революция и горец». 1929. № 10. С. 50]. Таким образом, проводимая пропаганда, направленная на искоренение религии среди народов Северного Кавказа и формирование новой идеологической основы для построения социалистического общества давала свои результаты.

Заключение

К 1927 г. государственно-церковные отношения перешли из ведения Наркомюста в Наркомат внутренних дел, что привело к администрированию и мелочной регламентации религиозных организаций. В условиях широкомас-

штабного наступления на деятельность религиозных организаций разрабатывался первый общесоюзный законопроект о религиозных объединениях, этим законопроектом стало принятое 8 апреля 1929 г. СНК РСФСР постановление «О религиозных объединениях». В духовной жизни советского общества установился идеологический диктат партии.

Северный Кавказ, выделяясь этнорелигиозным многообразием, ставил перед большевиками комплекс проблем, от решения которых зависела успешность вовлечения народов Северного Кавказа в коллективизацию, индустриализацию, и культурное строительство. Разнородность населения по национальному и религиозному составу, малочисленность населения, вовлеченного в производство, создавали трудности в процессе реализации большевистских модернизаций, которые требовали переоценку старых норм бытия и формирования в общественном сознании новых социальных представлений, основанных на ликвидации религиозного мышления.

Реализованные меры привели к тому, что без разрешения соответствующих государственных структур было запрещено проводить собрания верующих, выбирать руководителей религиозных общин, совершать паломничества к святым местам, строить культовые здания, а также заниматься благотворительной деятельностью. Деятельность любых церковных религиозных обществ, ранее приравнивавшихся к существовавшим научным, культурным обществам была запрещена. Верующие лишались прав юридического лица. Эффект от решений в антирелигиозной государственной политике сократил число верующих и быстро вовлекал молодое поколение горцев в атеистические советские реалии, но на бытовом уровне религиозность сохранялась. Тем не менее, результаты проведенной работы во всех национальных областях Северного Кавказа вели к ускоренному развитию производительных сил и социальной сферы в соответствии с советской идеологией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Научный архив СОИГСИ – Архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (г. Владикавказ).

Власть труда – Газета «Власть труда».

Гюева 2005 – *Гюева И.А.* История института уполномоченного Совета по делам религий в Северной Осетии. Дисс... канд. ист. н-к. Владикавказ, 2005. – 172 с.

Карахалк – Газета «Карахалк».

Меликов 1983 – *Меликов С.Т.* Из истории борьбы КПСС за преодоление влияния идеологии ислама и укрепление интернациональной дружбы народов Северного Кавказа // О единстве интернационального и атеистического воспитания / Отв. ред. А.Г. Кучиев. – Орджоникидзе: Издательство СОНИИ, 1983. – С. 51-70.

Персиц 1958 – *Персиц И.М.* Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917-1919 гг.). – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 198 с.

Раенко-Туранский 1927 – *Раенко-Туранский Я.Н.* Адыге до и после Октября / Под ред. т.т. Борона И., Хуажева М., Цей Д. – Ростов-на-Дону: Крайнациздат, 1927. – 184 с.

Революция и горец – Журнал «Революция и горец».

Сулейманов 2000 – *Сулейманов С.И.* Из истории чекистских органов Дагестана: Документальные очерки истории 1920-1945 гг. – Махачкала: Издательство «Юпитер», 2000. – 208 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик).

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (г. Владикавказ).

Эфендиев 1925 – *Эфендиев Н.П. (Самурский)*. Дагестан / Н.П. Эфендиев. – М.-Л.: Госиздат, 1925, – 174 с.

Юсупов 1972 – *Юсупов П.И.* О некоторых специфических особенностях национально-государственного строительства народов Северного Кавказа (1920-1937 гг.) // Материалы межвузовской научной конференции «Образование СССР – торжество ленинской национальной политики» / Отв. ред. Арутюнян С.М. – Пятигорск: Пятигорский гос. пед. ин-т иностранных языков, 1972. – С. 118-125.

REFERENCES

Arkhib Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy [Archive of the North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies] (g. Vladikavkaz). (In Russ.).

Gazeta «Vlast' Truda [The power of labor]». (In Russ.).

GIOEVA I.A. *Istoriya instituta upolnomochennogo Soveta po delam religii v Severnoi Osetii* [The history of the Institute of the Authorized Council for Religious Affairs in North Ossetia]. Diss... kand. ist. n-k. Vladikavkaz, 2005. – 172 p. (In Russ.).

Gazeta «Karakhalk [Karakhalk]». (In Russ.).

MELIKOV S.T. *Iz istorii bor'by KPSS za preodolenie vliyaniya ideologii islama i ukreplenie internatsional'noi druzhby narodov Severnogo Kavkaza* [From the history of the CPSU's struggle to overcome the influence of the ideology of Islam and strengthen the international friendship of the peoples of the North Caucasus]. In: O edinstve interna-tcional'nogo i ateisticheskogo vospitaniya / Отв. ред. А.Г. Кучиев. – Ordzhonikidze: Izda-tel'stvo SONII, 1983. – P. 51-70. (In Russ.).

PERSITS I.M. *Otdelenie tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi v SSSR (1917-1919 gg.)* [Separation of Church from state and school from Church in the USSR (1917-1919)]. – М.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958. – 198 p. (In Russ.).

RAENKO-TURANSKII YA.N. *Adyge do i posle Oktyabrya* [Adyge before and after October] / Pod red. t.t. Borona I., Khuazheva M., Tsei D. – Rostov-na-Donu: Krainatsizdat, 1927. – 184 p. (In Russ.).

Zhurnal «Revol'yutsiya i gorets [The Revolution and the Highlander]». (In Russ.).

SULEIMANOV S.I. *Iz istorii chekistskikh organov Dagestana* [From the history of Dagestan's Chekist organs]: Dokumental'nye ocherki istorii 1920-1945 gg. – Makhachkala: Izdatel'stvo «Yupiter», 2000. – 208 p. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic] (g. Nal'chik). (In Russ.).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania] (g. Vla-dikavkaz). (In Russ.).

EFENDIEV N.P. (SAMURSKII). *Dagestan* [Dagestan] / N.P. Efendiev. – М.-Л.: Gosizdat, 1925, – 174 p. (In Russ.).

YUSUPOV P.I. *O nekotorykh spetsificheskikh osobennostyakh natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva narodov Severnogo Kavkaza (1920-1937 gg.)* [On some specific features of the national-state building of the peoples of the North Caucasus (1920-1937)]. In: Materialy mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii «Образование СССР – торжество ленинской национальной политики» / Отв. ред. Арутюнян С.М. – Pyatigorsk: Pyatigorskii gos. ped. in-t ino-strannykh yazykov, 1972. – P. 118-125. (In Russ.).

Информация об авторах

Н.Х. Дзагурова – кандидат исторических наук, доцент.

М.С. Гапеева – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

N.H. Dzagurova – PhD (in History), Associate Professor.

M.S. Gapeeva – PhD (in History), Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.11.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 22.11.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.